

СОТРУДНИЧЕСТВО РУССКИХ И ЧЕРНОГОРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА

Варвара Борисовна Хлебникова —

кандидат исторических наук,
доцент, кафедра региональных исследований,
факультет иностранных языков и регионоведения,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Почтовый адрес: Ленинские горы, 1, стр. 13–14,
Москва, 119991, Россия
Электронный адрес: istfilos@gmail.com

Аннотация

Российско-черногорское сотрудничество в начале XX в. складывалось непросто. С одной стороны, Российская империя прикладывала огромные усилия, чтобы помочь черногорцам в деле государственного строительства и достижении внешне-политических задач, стоявших перед недавно признанным международным сообществом Княжеством. С другой стороны, отношения официальных должностных лиц разных уровней были довольно нервными. Постоянно всплывали спорные вопросы, по которым у России и Черногории возникали разногласия. Российское правительство твердо придерживалось политики статус-кво на Балканах. Черногорский князь и его окружение надеялись увеличить границы своих владений и готовы были нарушить сложившееся после 1878 г. равновесие в регионе. Все попытки российских дипломатов контролировать и сдерживать активность младших партнеров заканчивались ростом напряжения и взаимного недовольства. Российские руководители рассматривали поведение черногорской элиты как неблагодарность. Однако проблема постоянно возникавшего в двусторонних контактах напряжения была гораздо сложнее. Серьезную роль в ухудшении ситуации играли такие факторы, как национально-психологические особенности черногорского народа, его особый воинственный менталитет и готовность дать отпор любому, кто покушается на национальную независимость. К тому же охранявшиеся пережитки племенного уклада, крайне низкий уровень образования, острая нехватка квалифицированных кадров на государственной службе Черногории усиливали трения между российскими и черногорскими дипломатами. Лучше понимали особый национальный характер черногорцев ученые, занимавшиеся комплексным изучением небольшой славянской страны. Ближе всех к разгадке черногорского менталитета подошел П.А. Ровинский, в трудах которого можно было найти ответы на многие, казавшиеся неразрешимыми вопросы. Опираясь на его исследования, мы можем сегодня по-новому посмотреть на трудности профессионального диалога российских и черногорских руководителей.

Ключевые слова

Российская империя, Черногорское княжество, сотрудничество, трудности диалога.

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2019 г.

COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN AND MONTENEGRIN DIPLOMATS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY: THE PROBLEMS OF PROFESSIONAL DIALOGUE

Varvara B. Khlebnikova

Ph.D., Associate Professor,
Faculty of Foreign Languages and Area Studies,
Lomonosov Moscow State University
Postal address: Leninskie Gory 1, Building 13,
Moscow, 119991, Russia
E-mail: istfilos@gmail.com

Abstract

In the early twentieth century, cooperation between Russia and Montenegro was not easy. On the one hand, the Russian Empire made great efforts to help Montenegrins in the process of state-building and in achieving the foreign policy objectives by the principality, which had recently been recognised by the international community. On the other hand, relations between officials at various levels were rather tense. Russia and Montenegro permanently had a number of controversial issues. The Russian government firmly adhered to the status quo policy in the Balkans. Montenegrin Prince and his entourage hoped to increase their territories, and after 1878 were ready to break the balance in the region. All attempts of the Russian diplomats to control and restrain the activity of the junior partners ended with the increase in tension and mutual discontent. Russian leaders considered the behavior of the Montenegrin elite as ingratitude. However, the problem of constant tension in bilateral contacts was much more complicated. Such factors as the national-psychological characteristics of the Montenegrin people, their specific militant mentality and readiness to fight back anyone who encroached on national independence, played a serious role in the deterioration of the situation. In addition, the surviving remnants of the tribal way of life, extremely low level of education in the Principality, acute shortage of qualified personnel in the public service of Montenegro contributed to increasing frictions between the Russian and Montenegrin diplomats. Scholars involved into a comprehensive study of this small Slavic country understood the particular national character of Montenegrins better. Pavel A. Rovinsky was an excellent expert on Montenegrin mentality. His answers on many seemingly intractable questions one can find in his writings. Based on his research, we can today take a fresh look at the difficulties of the professional dialogue between the Russian and the Montenegrin leaders.

Keywords

Russian Empire, Montenegro, Pavel Rovinsky, diplomatic relations.

Received 15 April 2019.

Хорошо известна история сотрудничества России и Черногории в XIX — начале XX вв. О содержании и качестве этих отношений написано достаточно статей и монографий, в которых нарисована картина солидарности и верности союзническому долгу двух народов. Нисколько не ставя под сомнение качество и традиции российско-черногорской дружбы, хотелось бы обратить внимание на то, как нелегко было добиваться поддержания на доверительном уровне политических, дипломатических, общественных связей между народами, очень непохожими друг на друга.

История, культура, масштабы партнеров так разительно отличались, что рассчитывать на легкий диалог и полное взаимопонимание было, по крайней мере, наивно. После нескольких лет эйфории в российско-черногорских официальных отношениях, вызванных окончанием войны 1877–1878 гг. и международным признанием Черногорского княжества, наступила трудная пора разногласий, споров и даже ссор, взаимных упреков и недоверия. В начале XX века все чаще российские официальные лица высказывались критически в адрес черногорских властей. Княжеское правительство тоже постоянно жаловалось на давление и непонимание со стороны России. Политические, военные и финансовые причины этого взаимного недовольства исследованы¹. А вот более сложные вопросы о ментальных и национально-психологических особенностях черногорского этноса на рубеже XIX–XX вв., с которыми столкнулись россияне, еще не стали предметом отдельного рассмотрения. Российское правительство, считая себя защитником и патроном славян, ожидало от них благодарности и дисциплины. Сталкиваясь с «непослушанием», оно негодовало и недоумевало, не понимая, как можно быть такими неблагодарными. Однако если бы представители официальных кругов учитывали в практической работе то, что писали о черногорцах путешественники и ученые, возможно им легче было бы понять, почему так часто возникали трудности в диалоге.

Ответы на вопрос, в чем причина непонимания и недоверия, можно найти в трудах русского слависта П.А. Ровинского (1831–1916). Он прожил в Черногории около 20 лет, собрал огромный этнографический, лингвистический и исторический материал, вошедший в многотомную монографию «Черногория в ее прошлом и настоящем». В этой книге была поставлена задача «представить по возможности самую точную и подробную характеристику черногорского народа и его жизнь во всех сферах и отправлениях со всей окружающей его обстановкой»². Автор был убежден, что «душа народа», его самобытность, несхожесть с другими этносами заслуживали такого же внимания, как быт и социально-политическое устройство. Черногорцы были интересны тем, что во второй половине XIX в. переживали переходную эпоху, когда «старые начала еще сохраняются, но вырабатываются уже готовые их заступить новые»³. Племенная жизнь уходила в прошлое. На первый план вышло государство, однако сознание народа всё еще не приспособилось к новым условиям, мораль и социальное поведение черногорцев нередко приходили в противоречие с духом времени. Ментальность черногорского народа формировалась в условиях постоянных войн с соседями: «Война наложила свою печать и

¹ Хлебникова В.Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 31–68, 181–223.

² Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1897. Т. II. Ч. 1. С. 1.

³ Там же. С. XXIII.

на тип черногорца; под ее влиянием воспитались его добродетели и пороки, сложился весь характер, в котором многое поймете и оцените, только изучивши его военную деятельность. Война имела влияние на привычки и даже на мировоззрение черногорца; в ней же проявляется и его народный гений»⁴. В начале XX века, когда эпоха «вечной войны» подошла к концу, у черногорцев появились новые качества, новые ценности и предпочтения. Самой престижной оставалась военная профессия, но если не удавалось стать офицером, то каждый мужчина стремился поступить на государственную службу и обязательно быть начальником. Принадлежность к бюрократии в общественном мнении ценилась выше, чем коммерческая деятельность или физический труд. Черногорцы предпочитали нищету и мнимую принадлежность к власти обеспеченному быту среднего или мелкого буржуа. Кстати, бедность и полуголодное (а зачастую и голодное) существование народ переносил стойчески, как и в старину. Не изменяли черногорцы и другим традиционным ценностям, оставались привержены своему племени и братству, были гостеприимны и делились последним с теми, кто нуждался в помощи. Такое причудливое сочетание старых и новых представлений делало черногорцев весьма непростыми партнерами. В нежелании отказываться от уходящих в прошлое устоев проявлялся консерватизм патриархального народа, оказавшегося в новых экономических и политических условиях.

В монографии П.А. Ровинского обстоятельно разобраны национально-психологические особенности черногорцев, их живой ум и особая впечатлительность, удивительно цепкая память. Славист высоко оценивал интеллектуальный потенциал народа, его природную одаренность, восприимчивость, хваткость. Однако, по мнению исследователя, черногорцы часто ограничивались внешней стороной, не углубляясь в суть вопроса, не любили «долго задумываться», не планировали будущее⁵. Поверхностность мешала доводить до успешного конца необходимые преобразования. Особенно ярко эта национально-психологическая особенность проявлялась в государственном строительстве. Княжеское правительство охотно бралось за различные реформы и нововведения, но столкнувшись с затруднениями, быстро теряло интерес к начатому делу, переключалось на новый проект, ввязывалось в очередную административную кампанию, легко забывая о прежних обещаниях.

С одной стороны, славист высоко оценивал непоколебимую волю, твердость чувств и повышенную эмоциональность, героизм и самоотверженность, которые преобразовывались в особую энергию, дававшую силу «одолевать все возможные препятствия, поставляемые природой, людьми и обстоятельствами. Эта энергия, а не неприступность скал, спасла Чер-

⁴ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 1. С. III.

⁵ Там же. С. 359–360.

ногорию от порабощения»⁶. С другой стороны, была заметна такая неприятная особенность черногорцев, как склонность насмешничать и обижать людей: «Я не знаю никого, кто бы так неумолимо зло умел преследовать своего же товарища за всякую слабость, хотя бы то не зависело от него, а было его врожденным недостатком»⁷. Ученый обратил внимание на то, как причудливо в национальной психологии переплетались склонность к насмешкам и повышенное чувство гордости и личного достоинства. Черногорец посмеивался над другими, но был очень чувствителен к задеванию своей чести: «из-за ничтожного слова, сказанного даже без намерения оскорбить, может возникнуть крупная ссора; неудовлетворение самолюбия сводит с ума, а более глубокое оскорбление доводит людей до убийства другого и до самоубийства»⁸. Повышенное самомнение рождало злопамятность и мстительность, оскорбленный черногорец «годами не может забыть какую-либо обиду, глубоко запавшую в душу»⁹. Славист с сожалением наблюдал в народной среде «сильное расположение к тяжбам и интригам друг против друга»¹⁰. Соединение привлекательных и отталкивающих черт приводило к странным и парадоксальным поступками во вред себе самому. Роковую роль в судьбе человека мог сыграть «инат». Этим словом сербы и черногорцы называли желание сделать наперекор, поступить вопреки здравому смыслу, чтобы «насолить» оппоненту. Как видим, П.А. Ровинский описал и сильные, и слабые стороны национального характера, считая, что «нервно-сангвинистический темперамент» и расчетливый ум «часто сталкиваются в сердце черногорца»¹¹. Эти выводы ученого проливают свет на те многочисленные недоразумения и разногласия, которые возникали у россиян, работавших в Черногорском княжестве в начале XX века.

Сами черногорцы тоже пытались разобраться в своем характере, осознать место своего отечества в мире, понять, как вести себя с представителями других культур. Страна нуждалась в помощи, в сотрудничестве с европейскими государствами, ушедшими вперед по пути прогресса. Особенно ценилась поддержка России, проявлявшей повышенную щедрость к своему союзнику. Однако это не помешало черногорской элите затевать разного рода интриги, выражать свое неудовольствие и проявлять особую обидчивость в совместной работе с иностранцами, в том числе и с российскими представителями в Княжестве. В своих мемуарах об этом довольно откровенно писал черногорский министр иностранных дел Г. Вукович. Он

⁶ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 1. С. 368–369.

⁷ Там же. С. 378.

⁸ Там же. С. 374.

⁹ Там же. С. 362.

¹⁰ Там же. С. 375.

¹¹ Там же. С. 368.

не был человеком науки и не ставил перед собой цели понять национально-психологические особенности своих соотечественников, но зато был опытным политиком, побывавшим в самых разных ситуациях, неоднократно сталкивавшийся с серьезными затруднениями, возникавшими из-за тех самых ментальных противоречий, о которых писал П.А. Ровинский.

Министр обратил внимание на неоднозначное отношение князя Николая к русским дипломатам, работавшим в Цетинье. «На посланников русских при своем дворе князь смотрел с некой высоты после того, как две его дочери вошли в царскую семью в 1889 г., ибо каждое свое желание мог через них лично передать царю. Русские, особенно дипломаты, знали об этой близости князя ко двору, поэтому изворачивались, чтобы не попасть в немилость при княжеском дворе. Несмотря на то, что мы были по ощущениям и по должности преданы России, всё же были личные ссоры, небольшие столкновения, бестактности в отношении русских представителей, которые доставляли определенные неприятности»¹². Князю подражали некоторые члены его семьи, которые «причиняли неприятности русским дипломатам без какой-либо нужды». «Двор игнорировал русских посланцев из-за самонадеянности...», — замечал Г. Вукович¹³. Понимая двусмысленность такого поведения, сам министр, в сущности, придерживался той же линии, хотя и считал, что «выбрал пристойную середину». Он гордился тем, что не позволил российской миссии смотреть на себя как на «нечто мелкое», не бегал туда с докладами, а горделиво предлагал россиянам приходить в княжеское министерство и узнавать всё, что их интересует. При этом Г. Вукович неоднократно подчеркивал, что все сложные вопросы решались при поддержке российских представителей, от которых он много раз получал дельные профессиональные советы. Русские дипломаты, в свою очередь, твердо держались тех инструкций, которые обязательно получали от руководства МИД при назначении на должность. Все эти инструкции свидетельствуют о твердом и последовательном намерении России сохранять на Балканах статус-кво, избегать осложнений и кризисов, не допускать интриг и авантюры со стороны небольших государств-союзников, чтобы не нарушить сложившегося к концу XIX века равновесия¹⁴. Отступление от рекомендаций начальства могло самым пагубным образом отразиться на карьере любого дипломата.

¹² Вуковић Г. Мемоари. Одломак из дипломатских односа са Русијом. Обод-Цетинье, 1985. Т. 3. С. 90.

¹³ Там же. С. 91.

¹⁴ Например, в инструкции министру-резиденту А.Н. Щеглову (сентябрь 1902 г.) было сказано, что он должен «бдительно следить за внешними сношениями Черногории, своими советами способствовать, при случае, ее правителю избрать в этой области наиболее правильный и согласный с пользой России путь» // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3313. Л. 9 об.-10.

Известно, как непросто складывались личные отношения черногорского монарха с сотрудниками российской дипломатической миссии в Цетинье¹⁵. Трудности были и у российских министров, к которым обращались княжеские власти с теми или иными просьбами. И даже в отношениях с коллегами-дипломатами россиянам часто не удавалось найти общего языка. О ситуации полного непонимания и раздувания скандала на пустом месте далее пойдет речь. Эта нелепая история нашла подробное освещение в дипломатических донесениях и письмах из Государственного архива Черногории, еще не известных российским читателям.

В 1901–1902 гг. в албанском городе Скутари (Шкодер, Шкодра), входившем в Османскую империю, возникли разногласия между черногорским консулом и российским вице-консулом, которые повлекли за собой оживленную дискуссию министерств иностранных дел двух стран. Даже турецкое руководство было втянуто в эти споры. Конфликт ярко высветил проблемы межкультурного профессионального общения русских и черногорцев.

Скутари (славяне его называли Скадар, потому что он расположен недалеко от Скадарского озера в нескольких километрах от черногорской границы) был отдаленной окраиной Османской империи, цеплявшейся за последние владения в Европе после Берлинского конгресса. В регионе проживало небольшое количество югославян, и черногорский князь мечтал распространить свое влияние на Скутари, чтобы в случае окончательного распада Турции присоединить его к Черногории. В 1893 г. здесь открылось черногорское консульство, которое должно было помочь организовать приграничную торговлю, решать мелкие споры, защищать переселенцев из Черногории. Для расширения влияния и создания положительного образа своей страны черногорские власти открыли здесь две начальные школы — для мальчиков и для девочек, в каждой из которых было по одному преподавателю. Расходы на содержание женской школы в 1901 г. полностью взяла на себя Россия¹⁶. Возглавил княжеское консульство Лазар Миюшкович, черногорец, получивший технологическое образование в Париже. Такое «непрофильное» назначение было связано с тем, что Черногория испытывала острый кадровый голод, у нее не было специальных учебных заведений и вузов, не было подготовленных дипломатов. Даже простое знание французского языка давало возможность заняться дипломатической работой. Г. Вукович считал Л. Миюшковича умным, «энергичным, предприимчивым, но амбициозным, довольно эгоистичным и властолюбивым» человеком¹⁷.

¹⁵ *Хлебникова В.Б.* Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. Проблема диалога и взаимопонимания // *Человек на Балканах глазами русских* / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2011. С. 95–117.

¹⁶ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 59. № 1405.

¹⁷ *Вуковић Г.* Мемоари. С. 115.

В 1897 г. в Скутари был назначен российский вице-консул Григорий Степанович Щербина. Его непосредственный начальник, русский посол в Константинополе И.А. Зиновьев считал, что у России здесь нет специальных интересов, но русская консульская служба поможет Черногории наладить добрые отношения с соседями — подданными султана и, тем самым, будет поддерживать статус-кво на Балканах. Выбор пал на Г.С. Щербину не случайно — он был неплохо знаком с черногорскими делами, одно время работал в русской дипломатической миссии в Цетинье. Назначение в такой глухой угол Османской империи не было перспективным с точки зрения карьеры, но Г.С. Щербина на новом месте работал активно и вскоре стал популярен среди местных славян¹⁸. Например, стремясь помочь местным храмам, Г.С. Щербина побывал на приеме у обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева и попросил прислать утварь «для православной церкви Верхней Албании». В личном письме к П.А. Ровинскому Г.С. Щербина сообщил, что К.П. Победоносцев «с самым живым интересом и сочувствием отнесся к моему ходатайству». Вскоре в Черногорию были доставлены 13 ящичков с церковными вещами, и вице-консул просил Ровинского похлопотать о том, чтобы багаж поскорее переслали в Скутари¹⁹.

Вышеупомянутый черногорский консул Л. Миюшкович ревниво реагировал на появление в Скутари иностранных представителей других держав, возможно считая, что они создадут ненужную конкуренцию. Так, когда по инициативе сербских дипломатов в городе была заложена еще одна славянская школа, Миюшкович написал министру иностранных дел Черногории Г. Вуковичу: «...Ничего кроме интриг из сербских усилий не получится, так как все славяне в Скутари — черногорцы по происхождению и по духу»²⁰. Скорее всего, такой настрой черногорского консула и стал отправной точкой конфликта, разгоревшегося в 1901–1902 гг.

В марте 1901 г. Миюшкович стал регулярно сообщать Г. Вуковичу и черногорскому представителю в Константинополе М. Бакичу, что в православной общине Скутари «из-за интриг и наговоров» Г.С. Щербины не прекращаются распри. Л. Миюшкович сетовал, что ничего не может с этим поделать. Местные жители, якобы подстрекаемые российским дипломатом, отказываются посещать черногорское консульство и обсуждать с ним, Миюшковичем, свои проблемы²¹. Главные обвинения в адрес русского вице-консула заключались в том, что тот вмешался в дела местных школ и

¹⁸ Аншаков Ю.П. Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 170–189.

¹⁹ Письмо П.А. Ровинскому от 20 октября 1899 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук РАН (СПбФ АРАН). Ф. 123. Оп. 2. Д. 83. Л. 3 об.

²⁰ Распоповић Р. Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица; Београд: Историјски институт Црне Горе; Војска, 1996. С. 397.

²¹ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 57. № 451, № 465.

отказался выплачивать черногорским учителям какие-то денежные суммы. Также в вину Щербине вменялось, что в местной церкви во время богослужения он занимал самое почетное место в ущерб авторитету черногорского консула. Чтобы доказать правоту своих заявлений, Миюшкович прикладывал к собственным донесениям гневные письма возмущенных жителей Скутари, а иногда и статьи-пасквили для местных газет. Заодно ябедничал он и правителю Черногории Николе: «Я тонко разъяснил князю, как русский консул держит местную общину в руках»²². От непосредственных начальников Г. Вуковича и М. Бакича консул ждал активных действий в свою поддержку. Он настойчиво требовал сообщить все детали конфликта русскому посольству в Константинополе, чтобы там либо поменяли сотрудника, либо наказали его.

Необходимо заметить, что черногорский государственный аппарат сохранился тогда, в основном, на русские дотации. В 1900–1901 гг. Княжество было банкротом и не могло заплатить многочисленных внешних долгов, поэтому правитель страны отчаянно искал возможность встретиться с русским царем и просить о помощи в безвыходной ситуации. В таких обстоятельствах стремление Л. Миюшковича «поставить на место» российского коллегу выглядело не только бестактно, но и комично. Однако представления о престиже страны и повышенная чувствительность черногорцев в вопросах, затрагивавших их самолюбие, заставили княжеского министра иностранных дел без особой охоты, но всё же вмешаться. Он поручил М. Бакичу ознакомить русского посла с сутью дела, чтобы повлиять на Щербину, подчеркивая, что это не жалоба, а только просьба о содействии²³. Вскоре И.А. Зиновьев ответил на обращение черногорских коллег. По его словам, вице-консул прислал подробный отчет, из которого ясно, что никаких интриг он не затевал и держался строго в рамках служебных полномочий. И.А. Зиновьев приложил к своему ответу копию донесения вице-консула в Скутари, где по пунктам опровергались все обвинения. Более того, Щербина назвал истинную причину конфликта: «Разногласия между мной и г. Миюшковичем <...>, — писал он, — проистекают от глубокой разницы в характере нашей обоюдной деятельности и преследуемых целях: г. Миюшкович, связанный здесь родственными и семейными узами, не может беспристрастно относиться к делам (местной. — В. Х.) общины. Я нахожусь в ином положении; для меня существуют в Скутари только интересы православного населения». Вице-консул следовал общему служебному принципу: «Руководствуясь инструкциями его высокопревосходительства А.И. Нелидова, я с самого прибытия в Скутари не переставал давать советы примирения враждующим сторонам...», — подчеркивал он²⁴. Конечно,

²² Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 57. № 488.

²³ Там же. Ф. 58. № 789.

²⁴ Там же. Ф. 60. № 1663.

Щербина не смог скрыть своей обиды, отметив, что никаких доказательств его оппонент не представил: «При этих условиях я затрудняюсь назвать иначе, как клеветой, приписываемые мне г. Миюшковичем и возводимые на меня обвинения».

Русская сторона считала вопрос исчерпанным, тем более что в донесении Щербины были упомянуты конфликты Миюшковича с другими должностными лицами: «...Известны личные качества черногорского консула, имевшего за время своего здесь пребывания столкновения в 1897 г. с французским консулом, в нынешнем году с генерал-губернатором (имелся в виду глава администрации Скутари, валия. — В. Х.), прекратившим с г. Миюшковичем официальные и личные отношения до получения удовлетворения, и, наконец, в настоящее время с греческим консулом из-за места в церкви»²⁵. У работников российского посольства в Константинополе сложилось мнение, что Л. Миюшкович — «невозможный человек», если не смог найти общий язык с российским вице-консулом, который «столько сделал для Черногории»²⁶.

Княжеский консул смотрел на дело иначе. Он продолжал писать о вредном вмешательстве Щербины в школьные и церковные дела, приводя такие подробности и детали, которые сами по себе опровергали правдивость претензий жалобщика²⁷. Круг высокопоставленных лиц, посвященных в конфликт, становился всё шире. Вскоре в него были втянуты Константинопольский патриарх, его подчиненный, митрополит г. Призрена и священник православной церкви в Скутари. Случайно совпало с тяжбой, затеянной Миюшковичем, то, что приблизительно в это же время Константинопольский патриарх разослал во все православные епархии Османской империи инструкции о почетных местах в храмах. Он распорядился отводить дипломатам разных стран лучшие места во время церковных служб по «хронологическому принципу» — «на основании провозглашения независимости церквей в православных государствах»²⁸. То есть, чем раньше та или иная национальная православная церковь стала самостоятельной, тем более престижное место в храме занимал ее дипломатический представитель. Л. Миюшкович, узнав о том, что в Скутари первое место в храме займет русский консул, второе греческий, а он только третье, написал Г. Вуковичу, что предпочтет не появляться на церковной службе вообще, чем подчиниться новому порядку²⁹. Гнев черногорского консула был так велик, что он перенес личную неприязнь к Щербине на весь русский народ: «Легко русским рассуждать, если их закон — это палка, особенно для

²⁵ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 60. № 1663.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. № 1472, № 1478, № 1738 и др.

²⁸ Там же. Ф. 66. № 1662.

²⁹ Там же.

тех, кто от них что-то ждет»³⁰. «Прегрешения» русского представителя в донесениях Л. Миюшковича становились всё серьезнее. Наверное, самым «художественным» было повествование о том, как Щербина послал своего слугу вместе с несколькими местными жителями ночью отобрать у церковного старосты ключи, передвинуть в церкви консульские стулья с места на место. Из-за этого якобы произошли уличные беспорядки, и турецкий глава администрации был вынужден вмешаться, оставив ключи от храма у себя³¹.

Несмотря на нелепость подобных обвинений, Миюшковичу удалось устроить еще один крупный скандал и посорить двух вполне уважаемых профессионалов — русского посла И.А. Зиновьева и черногорского представителя в Константинополе М. Бакича. М. Бакич был осторожным и опытным дипломатом, последовательным русофилом, получившим образование в Петербурге и хорошо знавшим, как много было сделано русским посольством в Османской империи для защиты черногорцев и помощи им за границей. Например, предшественник Бакича в Константинополе М. Пламенац тяжело заболел и умер в 1889 г. В последние минуты жизни он вызвал российского посла, который опечатал кабинет М. Пламенаца со всеми секретными бумагами, шифрами и деньгами. Тело покойного в сопровождении почетного караула из русских моряков было перевезено на катере через Босфор в церковь при российском посольстве, где были проведены литургия и отпевание, после чего с большими почестями отправлено в Черногорию³². Как видим, до 1902 г. отношения двух славянских дипломатических представительств были самые доверительные.

Тем не менее, постоянные доносы Л. Миюшковича, наполненные яркими, хотя и неправдоподобными деталями того, как ущемляли интересы Черногории русские и турецкие официальные лица, настроили М. Бакича на решительный лад. Он хотел поддержать престиж своей страны во что бы то ни стало. Так как И.А. Зиновьев явно уклонялся от личных встреч, не желая больше обсуждать подробности этой нелепой истории, черногорский представитель обратился к великому визирю и министру иностранных дел Османской империи. Во время аудиенции М. Бакич выразил свое несогласие с тем, как распределяются места в православных храмах. Он настаивал на том, что Константинопольский патриархат, будучи подразделением официального аппарата империи, «не может менять по своему усмотрению дипломатический церемониал, утвержденный султаном»³³. Черногорский дипломат знал, какие чувствительные струны следует затронуть, и выразил удивление тем, что патриарх, подданный султана, принял подобное решение. Ведь он не Папа римский, а православная церковь — не государство в

³⁰ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 60. № 1738.

³¹ Там же. Ф. 62. № 97, № 133.

³² Там же. Ф. 25. № 1674.

³³ Там же. Ф. 63. № 526.

государстве. Порта немедленно сделала патриарху серьезное внушение, а тот сразу же стал искать защиты в русском посольстве. Русские дипломаты были вынуждены снова выяснять отношения с черногорскими коллегами. Секретарь посольства посетил Бакича, и, судя по донесению черногорца своему министру, больше часа два почтенных человека ссорились, повышая друг на друга голос. Русский дипломат твердил, что Бакич не должен был через голову русского посла посвящать турок в разногласия и конфликты между православными. А черногорский представитель упрекал Россию в готовности жертвовать интересами его страны не только ради великих держав, например, Австро-Венгрии, но и для удовлетворения непомерного самолюбия «маленькой и дегенерирующей греческой народности»³⁴.

После этого объяснения на повышенных тонах состоялась еще одна, можно сказать, примирительная встреча княжеского представителя с И.А. Зиновьевым. По словам Бакича, русский посол был особенно вежлив и любезен, высоко оценил личные заслуги и качества черногорского коллеги и пообещал уладить все недоразумения с Патриархией. Но «дипломатическая победа» Бакича была омрачена тем, что Миошкович продолжал свою непримиримую страстную борьбу против Щербины. Он отправил письмо прирзенскому митрополиту и просил довести его содержание до сведения патриарха³⁵. В письме были изложены и пронумерованы все «преступления» русского вице-консула. Черногорский консул как будто подбрасывал дров в огонь затухавшей ссоры, явно не желая ее завершения. М. Бакич делился со своим руководством соображениями по этому поводу: зачем информировать о конфликте Константинопольскую патриархию, которая является составной частью турецкой политической системы? Разве может Константинопольский патриарх «наказать» российского дипломата? «Я считаю, что в наших интересах трения с российскими представителями тщательно скрывать, а не выставлять напоказ», — писал он³⁶. Такая реакция черногорского представителя в Османской империи на недипломатические и бесполезные действия Миошковича в Скутари свидетельствует не только о его трезвом отношении к младшему коллеге. Она подтверждает, что позиции ведущих дипломатов Черногории и России оказались в очередной раз одинаковыми: ни те, ни другие не хотели вмешательства османской администрации в дела православных приходов.

Следовательно, причиной конфликта были не разные внешнеполитические и дипломатические цели, а разные представления о собственной

³⁴ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 63. № 526.

³⁵ Копию письма М. Бакичу передал сербский представитель в Константинополе, из чего становится ясно, что сербы тоже были в деталях посвящены в конфликт. Руководитель сербского дипломатического представительства иногда присутствовал при встречах Зиновьева и Бакича, в связи с конфликтом в Скутари, возможно для того, чтобы удерживать собеседников от слишком резких слов.

³⁶ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 63. № 580.

значимости, о чувстве достоинства официального представителя и о том, какими средствами он может пользоваться. Российские дипломаты неукоснительно следовали общему курсу правительства на Балканах и старались избегать каких бы то ни было трений по разным поводам, в том числе и протокольным. Иногда они вели себя формально, соблюдая субординацию и дистанцию, однако всегда придерживались предписаний начальства и не выходили за рамки служебных обязанностей и профессиональной этики³⁷. Черногорцы понимали, что без помощи России им не обойтись, но довольно болезненно переживали эту зависимость. Время от времени национальный темперамент брал верх над рациональным подходом. Непомерное самолюбие чиновника Л. Миюшковича заставляло его любой шаг иностранных коллег воспринимать как интригу, направленную лично против него. А однажды обидевшись, он уже не мог остановиться и считал правильным рассчитаться с обидчиком по полному счету. Оговоры, доносы, клевета представлялись подходящими средствами для мести «врагу». Стремясь свой личный конфликт раздуть до масштабов государственного, чиновник обращался к самым высокопоставленным лицам. Все должны были знать, что происходит, и помогать оскорбленному консулу — министр, князь, митрополит, патриарх, визирь. «Враг» должен быть повержен и наказан любой ценой, даже если для этого придется испортить отношения с покровителями.

Вместе с тем, этот непримиримый борец за черногорское достоинство не отдавал себе отчета в том, как его страна могла бы обойтись без России. Он разрабатывал новые смелые проекты укрепления черногорского влияния в албанских областях: «Я писал в свое министерство, чтобы просили у турецкой власти разрешения открыть в Скутари школу для черногорских подданных и устроить ее как нужно. Пусть г. Бакич договорится с Зиновьевым, чтобы Россия уступила нам денежную помощь, которую выдает [местной] женской школе. <...> Я имел честь сопровождать его высочество господаря в Россию³⁸. Царь принял князя самым лучшим образом, всё, что просили, дал. Черногория больше не оскудеет материально³⁹. Из этого письма-плана становится ясно, что спонсором любых мероприятий княжеского МИД в Скутари, по мнению Миюшковича, «обязана» быть Российская империя. Понятно, что усидеть на двух стульях было невозможно. Быть непреклонным и требовать особого к себе отношения как к представителю суверенной страны и, в то же время, рассчитывать, что кто-то возьмет на себя финансовые проблемы Княжества, уладит все его затруднения, было, по меньшей мере, недальновидно. Это был своего рода чиновничий

³⁷ Хлебникова В.Б. Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. С. 95–117.

³⁸ В 1902 г. князь Никола совершил поездку в Россию, во время которой добивался помощи в погашении внешних долгов Черногории.

³⁹ Државни архив Црне Горе. МИД. Ф. 63. № 580.

инфантилизм, «детская болезнь» молодого государства, которое еще не накопило опыта самостоятельного решения трудных вопросов без опоры на внешнюю поддержку. Такая политическая наивность была следствием особенного переходного состояния Черногории, когда общество продвигалось по пути от племенного уклада к государственному существованию. Однако российским дипломатам от этого было не легче, черногорские коллеги доставляли им немало хлопот.

В завершение хотелось бы написать о том, какую память оставил о себе Г.С. Щербина в южнославянских землях. В 1903 г. он прибыл на новое место службы в только что открывшееся консульство России в Косовской Митровице, но вскоре был убит албанским националистом. Ему было всего 35 лет. Гибель дипломата глубоко взволновала тех, кто хорошо его знал. Российский министр-резидент писал из Цетинья в Петербург: «Трагическая кончина консула нашего в Митровице произвела здесь тем большее впечатление, что покойный Григорий Степанович Щербина пользовался в Черногории широкой популярностью и всеобщими симпатиями. <...> За время своей службы в Скутари он неоднократно посещал Цетинье и одно время заведовал делами императорской миссии, причем сумел внушить к себе уважение и любовь. Все здесь, поэтому, были возмущены до глубины души известием о гнусном покушении на его жизнь, и весть о горестной потере этого добросовестного слуги престолу, отечеству и славянскому миру произвела в Черногории удручающее впечатление»⁴⁰. Через какое-то время А.Н. Щеглов сообщил, что на его имя пришла телеграмма от герцеговинцев, которые тоже выражали соболезнования по поводу гибели Г.С. Щербины⁴¹. В 1928 г. в Митровице был установлен памятник русскому дипломату, погибшему при исполнении служебных обязанностей. Но судьба скульптуры была такой же трагичной, как жизнь самого консула. Во время Второй мировой войны памятник изрядно пострадал, а в 1999 г. и вовсе был разрушен албанцами. Однако в 2007 г. его восстановили и торжественно открыли в присутствии российских дипломатов в сербской части Митровицы. Хочется верить, что для косовских сербов этот монумент в какой-то мере стал символом стойкости и сопротивления насилию.

Литература

1. *Анишаков Ю.П.* Российская дипломатия о положении славянского населения Старой Сербии (1902–1912 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 170–189.
2. *Распоповић Р.* Дипломатија Црне Горе 1711–1918. Подгорица; Београд: Историјски институт Црне Горе; Војска, 1996.

⁴⁰ АВП РИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 1570. Л. 64.

⁴¹ Там же. Л. 137–139.

3. Хлебникова В.Б. Сотрудники Российской дипломатической миссии в Цетинье и князь Николай. Проблема диалога и взаимопонимания // Человек на Балканах глазами русских / отв. ред. Р.П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2011. С. 95–117.
4. Хлебникова В.Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.

References

1. Anshakov, Iu.P., 2014. Rossiiskaia diplomatiia o polozhenii slavianskogo naseleniia Staroi Serbii (1902–1912 gg.) [Russian diplomacy on the situation of the Slavic population of Old Serbia (1902–1912)]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, Vol. 16, N 3, pp. 170–189.
2. Raspopović, R., 1996. *Diplomatija Crne Gore 1711–1918* [Diplomacy of Montenegro 1711–1918]. Podgorica; Belgrade: Istorijски институт Crne Gore; Vojska.
3. Khlebnikova, V.B., 2011. Sotrudniki Rossiskoi diplomaticheskoi missii v Tsetin'e i kniaz' Nikolai. Problema dialoga i vzaimoponimaniia [Employees of the Russian diplomatic mission in Cetinje and Prince Nikolai. The problem of dialogue and understanding]. In: Grishina, R.P., ed., 2011. *Chelovek na Balkanakh glazami russkikh* [Man in the Balkans through the eyes of Russians]. Saint Petersburg: Aleteiia, pp. 95–117.
4. Khlebnikova, V.B., 2016. *Chernogoriia: Fenomen natsional'noi gosudarstvennosti. 1878–1916 gg.* [Montenegro: The phenomenon of national statehood. 1878–1916]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.